

УДК 342.725(479):81'272

Хагани Мамедов,
докторант кафедры Международного частного
и Европейского права БГУ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ ЯЗЫКОВ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ГОСУДАРСТВАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА

В данной статье рассматривается политическая дискуссия в государствах Южного Кавказа вокруг ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, принятой Советом Европы четверть века назад, целью которой была защита исторических региональных языков стран ЕС, часть которых находится под угрозой возможного исчезновения. Автор анализирует исторические предпосылки, приведшие к сложившейся ситуации вокруг данного документа, а также позицию правительств Южного Кавказа по отношению к этой проблеме. Исследование базируется на комплексе научных методов и подходов, основанных на принципе научной объективности и системности, применяемых в исторических исследованиях.

Ключевые слова: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств; Совет Европы, Европейский союз, Конституция Франции, Государственный совет Франции; Конституционный Совет Франции; иммиграция, мигранты, сепаратизм, глобальный кризис, национальная идентичность.

У статті розглядається політична дискусія в державах Південного Кавказу навколо ратифікації Європейської хартії регіональних мов або мов меншин, прийнятої Радою Європи чверть століття тому, метою якої був захист історичних регіональних мов країн ЄС, частина яких знаходиться під загрозою можливого зникнення. Автор аналізує історичні передумови, що призвели до ситуації, що склалася навколо даного документа, а також позицію урядів Південного Кавказу стосовно цієї проблеми. Дослідження базується на комплексі наукових методів і підходів, заснованих на принципі наукової об'єктивності та системності, які застосовуються в історичних дослідженнях.

Ключові слова : Європейська хартія регіональних мов або мов меншин; Рада Європи, Європейський союз, Конституція Франції, Державна рада Франції; Конституційна Рада Франції; імміграція, мігранти, сепаратизм, глобальна криза, національна ідентичність.

Paper studies the political debate in the States of South Caucasus around the ratification of the European Charter for regional or minority languages, adopted by the Council of Europe a quarter-century ago, the purpose of which was to protect the historical regional languages of the EU, part of which is under threat of possible extinction. The author analyzes the historical conditions that led to the current situation around this document, as well as the position of the governments of the South Caucasus in relation to this issue. The research is based on complex scientific methods and approaches based on the principle of scientific objectivity and a systematic approach used in historical studies.

Keywords: European Charter for Regional or Minority Languages; Council of Europe, European Union, the Constitution of France, the French Council of State; the

Constitutional Council of France; immigration, migrants, separatism, global crisis, national identity.

Распад СССР, повлекший за собой сложные и противоречивые процессы становления и развития национальных государств, демократизацию всех сфер социальной жизни, ориентацию на примат соблюдения прав и свобод человека и общностей людей, повышают наш интерес к проблемам обеспечения на постсоветском пространстве социальной безопасности, направленной на защиту человека, его общностей и отношений, способствующих общественному развитию, их прогрессивных социальных потребностей и интересов, систем социализации человека и обеспечения его жизнедеятельности, ценностей образа жизни и т.п. [7, с. 36].

Как указывает Е. Беккер, в настоящее время региональные языки или языки меньшинств являются частью национального достояния государств и играют в процессе формирования национальной идентичности главенствующую роль как носители и гаранты национальной культуры и национального самосознания, именно поэтому значение региональных языков постоянно усиливается [33, с. 114]. Однако опасность роста национализма и сепаратизма заставляет политических деятелей осторожно относиться к мерам по защите национальных языков.

Здесь уместно вспомнить о том, как в момент распада СССР влиятельный американский политолог Збигнев Бжезинский порекомендовал новым элитам независимых государств начать свою деятельность с “дерусификации”, тем самым обеспечив свою национальную безопасность [13].

Термин “региональный язык” пришел в страны бывшего Советского Союза из западноевропейских стран. Под региональным языком, по мнению С.Бартиша, подразумевается язык, официальный статус которого закреплён в законодательстве регионов государства наряду с официальным государственным языком, который действует на территории всего государства [34, с. 242–243].

И если регулирование правового статуса этносоциальных организмов в национализирующихся государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, представляет собой внутреннюю проблему этих государств, то механизм регулирования и защиты правового статуса этнических групп выходит за рамки юрисдикции отдельных государств и должен охватывать нормы как международно-правовых, так и национальных актов.

В связи с этим, следует указать на акты национальных законодательств стран СНГ. Прежде всего, конституции вышеуказанных государств, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, закрепляют принцип равенства всех перед законом, в том числе независимо от национальной принадлежности (ст. 25 Конституции Азербайджанской Республики, ст. 16 Конституции Республики Армения, ст. 22 Конституции республики Беларусь, ст. 14 Конституции Грузии, ст. 14 Конституции Казахстана, ст. 16 Конституции Республики Молдова, ст. 19 Конституции Российской Федерации, ст. 24 Конституции Украины, ст. 28 Конституции Литовской Республики и др.). Кроме того, отдельные конституции закрепляют ряд норм, представляющих собой гарантии осуществления прав и законных интересов этнических групп, а именно: право определять и указывать (или не указывать) свою национальную принадлежность (п. 1 ст. 26 Конституции Российской Федерации, п. 1 ст. 19 Конституции Казахстана, п. 1 ст. 44 Конституции Азербайджанской Республики), право сохранять свою национальную принадлежность (ч. 1 ст. 50 Конституции Республики Беларусь)[21; 27; 36; 37].

Право на сохранение своих традиций, развитие языка и культуры (ст. 37 Конституции Республики Армения), право на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности (ст. 10 (2) Конституции Республики Молдова), право на развитие собственной культуры (ст. 38 Конституции Грузии), создание государством условий для развития языков, обычаев и традиций наций и народностей, проживающих на его территории (ч. 2 ст. 4 Конституции Республики Узбекистан), содействие государством развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств (ст. 11 Конституции Украины), право на развитие своего языка, культуры и обычаев (ст. 37 Конституции Литовской Республики) [3].

Право пользоваться родным языком (ст. 45 Конституции Азербайджанской Республики, ч. 3 ст. 50 Конституции Республики Беларусь, ст. 38 Конституции Грузии, п. 2 ст. 19 Конституции Казахстана, ч. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 2 Конституции Республики Таджикистан, ч. 2 ст. 13 Конституции Туркменистана, ч. 3 ст. 10 Конституции Украины 1996 г.), право на сохранение, развитие и функционирование русского и иных языков, не являющихся государственными (п. 2 ст. 5 Конституции Кыргызской Республики, ст. 13(2) Конституции Республики Молдова)[27]. Кроме того, следует указать и на норму ст. 21 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (Минск, 1995 г.), согласно которой лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, не может быть отказано в праве индивидуально, совместно и беспрепятственно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную и религиозную самобытность (в соответствии указанной норме должно быть приведено национальное законодательство всех подписавших Конвенцию государств) [24]. Прежде всего, необходимо отметить, что почти во всех странах СНГ национальному языку был придан статус государственного, исключение составляют Беларусь (где согласно ст. 17 Конституции государственными языками являются белорусский и русский языки), Грузия (где согласно ст. 8 Конституции государственным языком Грузии является грузинский, в Абхазии – абхазский язык) и Россия (где согласно ст. 68 Конституции государственным языком на всей территории РФ является русский язык, но республики, входящие в состав РФ, вправе устанавливать свои государственные языки). Вопрос о государственном языке активно обсуждался еще в 1989 г. при обсуждении проекта закона СССР о языках [36]. К сожалению, так и случилось, и язык превратился на территории бывшего СССР в средство политики, с помощью которого проводится дифференциация всех на граждан и неграждан, на представителей т. н. “титупьной нации” и “национальных меньшинств” (а “быть членом национального меньшинства всегда означает быть гражданином второго сорта”).

Между тем мировая практика предлагает, по мнению Хазелхубера и Х.-Ж. Хейнтца, различные варианты решения языковой проблемы. Например, мировой опыт показывает, что без общего средства общения (или общих средств общения) не обходится ни одно многонациональное государство. Наличие общего средства (общих средств) общения порождает ситуацию двуязычия или многоязычия, т.е. владения наряду с родным также и другим языком, часто выступающим в роли языка межнационального общения [38, с. 145–148].

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что тот или иной вариант решения языковой проблемы в многонациональном (добавим, полиэтническом) государстве является показателем гарантированности прав этнических групп и свидетельством стабильности этносоциальной структуры

данного общества. В Западной Европе уже в 1950 году в статье 14 Европейской конвенции о правах человека излагались принципы запрета на дискриминацию, включая и те аспекты, которые связаны с принадлежностью к национальным меньшинствам и к языкам национальных меньшинств. Однако такая защита в рамках Европейской конвенции, по мнению А.Гловера, имела лишь самый общий характер. Позднее возникла необходимость пойти еще дальше, чтобы обеспечить должную защиту меньшинствам и их языкам [26, с. 29–30]. После возникновения Европейского Союза (Евросоюз, ЕС), который был юридически закреплен Маастрихтским договором в 1992 году (вступил в силу 1 ноября 1993 года), Совет Европы разработал две отдельные конвенции: Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств и Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств [36, с. 53–54].

Европейская Хартия. Как отметили Дж. Мустафина и М.Х. Халимов, была принята в качестве конвенции Комитетом Министров на своем 478 заседании на уровне заместителей, а для подписания была открыта 5 ноября 1992 года в Страсбурге. Среди стран, подписавших Хартию, фигурируют как страны-участники ЕС, так и страны, которые сотрудничают с Советом Европы (всего в Совете Европы 47 стран [19]). Стороны, подписавшие Хартию, в том числе Россия, взяли на себя ответственность по защите самобытности и культурного наследия национальных меньшинств, а также ответственность за обеспечение полного и реального равенства, принадлежащих к национальным меньшинствам лиц во всех сферах экономической, социальной, политической и культурной жизни. Хартия создает условия, позволяющие людям выражать, сохранять национальную самобытность и развивать свою культуру (на июль 2016 года 32 государства ратифицировали Хартию) [34, с. 245–246].

По нашему мнению, многие страны бывшего Советского Союза, взяв в качестве образца для своего развития Западную модель, заключили, подписали, иногда и ратифицировали множество международно-правовых актов, договоров и конвенций, которые при их принятии приобретают обязательный характер, если учитывать примат международного права перед национальным, но оказались неспособными к их исполнению.

Итак, ряд бывших советских республик в той или иной степени присоединились к Хартии.

Существует огромный свод кодексов, деклараций и других документов, приписывающий государствам, которые придерживаются данных документов, применять соответствующие меры для достижения полного и действенного равенства среди всех граждан. Среди таких документов можно отметить Международный Пакт о гражданских и политических правах ООН [25, с. 113] от 1966 года (ратифицированный Арменией, Грузией, Азербайджаном), Декларацию ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 года, Рамочная конвенция Совета Европы о защите прав национальных меньшинств 1994 года [2] (ратифицированная Арменией, Грузией, Азербайджаном и не ратифицированная и не подписанная Турцией), Европейская Хартия Совета Европы региональных языков или языков меньшинств 1998 года, Копенгагенский документ Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) 1990 года и другие. Независимо от конкретной терминологии, используемой в данных документах, а также необходимости и далее развивать всеохватывающую международную систему для защиты прав групп и индивидов, положения этих документов, по сути, обеспечивающих основы

для целостных обществ свободных от дискриминации, по-прежнему нуждаются в полном применении в случае с Южным Кавказом [42, с. 30].

Грузия. Русский язык в Грузии даже в советские времена не являлся государственным, а попытка придать ему этот статус наряду с грузинским вызвала в конце 70-х мощные акции протеста студенчества, и тогда Компартия отказалась от этой идеи [23]. Поэтому вопрос об официальном статусе русского сегодня даже не рассматривается.

По данным департамента статистики, в постсоветский период из Грузии уехала примерно половина русскоязычного населения. Соответственно, уменьшилось число русских школ, хотя их не закрывали, а объединяли (из-за недостатка учеников) с грузинскими. За десять лет появилось целое поколение, практически не понимающее русский [14, с. 14].

При этом со времен СССР в Грузии почти во всех вузах наряду с грузинскими факультетами функционировали русские [23].

В связи с малочисленностью этнических русских в Армении вопрос о повышении статуса русского языка не встает. Его позиции ослабли с принятием в 1993 году закона о языке, в соответствии с которым в действующих на территории Армении образовательной и учебной системах языком преподавания и воспитания является литературный армянский [3; 20]. Но в 1999 году была принята специальная правительственная концепция, в соответствии с которой сейчас в 30 школах страны введено углубленное изучение русского языка.

Как отмечает А. Амиров, в Азербайджане русский традиционно является языком межнационального общения. Никакой иностранный язык в стране не может претендовать на более высокий статус. Споры по поводу статуса русского языка нет не только между оппозицией и властями, но даже между русскоязычным населением и этническими азербайджанцами [2].

Несмотря на это, не определен до сих пор статус русского языка в Грузии и Азербайджане: его активно используют в быту представители старшего поколения, однако молодежь практически не испытывает к нему интереса [29]. Ни в той, ни в другой стране не существует препятствий для изучения русского языка как второго иностранного в школах и университетах, однако с падением Советского Союза большая часть социально активной части населения этих государств ориентируется на сближение с Западом, а не Россией. Как следствие – внимание не к русскому, а к английскому языку. Русскому языку в повседневном общении отдают предпочтение лишь 6% граждан Азербайджана и 7% граждан Грузии, в то время как азербайджанский и грузинский языки используют 94 и 93% населения соответственно, что показывает серьезное снижение значения русского языка в Закавказье [28].

В Армении русский язык имеет статус иностранного, однако Армения ратифицировала Европейскую хартию региональных языков, согласно которой русский язык в Армении признается языком национального меньшинства. На сегодняшний день русскоязычная община страны составляет лишь несколько тысяч человек, сконцентрированных, в основном, в Ереване и не представляющих собой значимую социальную группу [3; 20]. После крушения Советского Союза подавляющее большинство русских жителей Армении переехали в Россию, ввиду чего республика фактически стала полностью моноэтнической, а, следовательно, и русский язык постепенно утратил значение языка межнационального общения [3].

В странах Южного Кавказа политика, нацеленная на решение трудностей, с которыми сталкиваются меньшинства, проходила с различной степенью успеха.

Некоторые мероприятия в ее рамках обсуждаются. Невзирая на проблемы, связанные с планированием и претворением в жизнь этих мероприятий, главной причиной фактически негативного различия в жизни людей, считающих самих себя меньшинствами или представляющиеся таковыми в глазах других, является то, как эти группы воспринимаются государством и большинством населения.

Как справедливо отмечает К. Корнель существующие две основные тенденции способствуют формированию такого восприятия. Первая относится к процессам построения государства, посредством которых были созданы этнонациональные государства на Южном Кавказе [35, с. 102–103].

Таким образом, создание национальной идентичности прошло в форме определения, кто является, а кто нет, частью этой нации. В результате политической и социальной истории Южного Кавказа в понятие “другие” вошли не только те, кто не вписался в национальные рамки, но также и некоторые группы, проживающие в пределах государства.

Сегодня в странах Южного Кавказа проживает различный процент этнических меньшинств. В Армении они составляют лишь 2 % всего населения. Согласно последней переписи населения 2015 года, армяне составляют 2,961,801 человек, езиды – 35,308, русские – 11,911, ассирийцы – 2,769, курды – 2,162, украинцы – 1,176, греки – 900, грузины – 617, персы – 476, или другие – 1,634 [20; 30].

В Азербайджане меньшинства составляют 8,5 % населения [3]. Последняя перепись населения Азербайджана 2015 года представляет такую картину: азербайджанцы – 8172800 человек, лезгины – 180300, армяне – 120300, русские – 119300, тальши – 112000, аварцы – 49800, турки – 38000, татары – 25900, таты – 25200, украинцы – 21500, цахуры – 12300, удины – 3800, круты – 4400, грузины – 9900, хиналугцы – 2200, евреи – 9100, курды – 6100 и другие 9500 [21].

В Грузии меньшинства составляют 13 % грузинского населения. Согласно последней переписи населения Грузии 2014 года, грузины составляют 3224564 человека, азербайджанцы – 233024, армяне – 168102, русские – 26453, осетинцы – 14385, езиды – 12174, украинцы – 6034, кистины – 5697, греки – 5544, ассирийцы – 2377 и другие – 14346 [4].

Существование этнических групп внутри страны автоматически не превращает эти группы в меньшинства. Статус “меньшинства” на Южном Кавказе является следствием специфических процессов построения государства, а также политическим и социальным наследием советского правления. Советская этнонациональная политика институционализовала иерархию этносов, когда некоторые получили статус “титულიной” в определенных государственных образованиях, остальные же – или статус меньшинства, или вообще не получили никакого статуса [30]. Хотя изначальной целью была эмансипация, призванная наделить правами прежде ущемленные группы, на практике размещение этих групп таким образом политизировало этнические различия, создав источник отчуждения на Южном Кавказе.

Этнический национализм далее привел к отчуждению народов, не принявших участия в формировании государства в этих странах, и они до сих пор остались в качестве меньшинств, тем не менее, без всеохватывающей советской гражданской идентичности.

Еще более усугубляет ситуацию вторая тенденция, которая формирует восприятие о группах и группности в странах Южного Кавказа – а именно, конфликты внутри страны и между странами, действующие, замороженные и потенциальные. Общим знаменателем для этих стран с точки зрения того, как воспринимаются меньшинства, является связь (видимая или скрытая, озвучиваемая или умалчиваемая) между этими группами и конфликтами [30]. К примеру, Нагорно-

Карабахский конфликт ударом колокола прозвенел для этнических азербайджанцев в Армении и армян в Азербайджане, вынудив их к переселению. В результате, из Армении переехали в Азербайджан свыше 300 000 азербайджанцев [31, с. 100–101]. Грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты подобным же образом переселили сотни тысяч людей [4; 8]. Эти конфликты вселили страх в большинство, что сепаратистские движения могут распространиться в других меньшинствах, а это в результате влияет на отношение к ним.

Взятие на себя обязательств и ратификация Хартии о региональных языках не является для Азербайджана какой-то трагедией. Однако ратификация даст, например, возможность двадцатитысячному русскоязычному населению Азербайджана, а также русскоязычным азербайджанцам требовать, скажем, судопроизводства на русском языке. Но дело в том, что в Азербайджане и так это можно сделать. Это не запрещено Конституцией Азербайджана. Кроме того, в местах компактного проживания нацменьшинств говорят, пишут, издаются на национальных языках [7, с. 36–37].

Азербайджан взял на себя такое обязательство, и ратификация хартии нужна и важна для Азербайджана. У Азербайджана перед Советом Европы такое обязательство: ратифицировать Европейскую хартию о региональных языках и языках национальных меньшинств и принять закон о национальных меньшинствах. В свое время при взятии на себя этих обязательств правительство не сделало никаких оговорок, да и парламент тоже не возражал против этого [29].

Многие заявляют, что закон о нацменьшинствах нам не нужен, так как у нас положение в этой области все идеально.

Европа тоже сталкивается с проявлениями сепаратизма и агрессивного национализма, но при этом старается бороться не с последствиями, а с причинами. Одним из инструментов как раз и является упомянутая хартия. И метод, когда обязательство на себя берут, а потом не выполняют, неприемлем в международных отношениях [33, с. 212].

Добавим только, что в преамбуле к документу говорится о том, что данная хартия своей целью видит защиту прав меньшинств на общение на родном языке. В тексте отмечается, что государства-члены Совета Европы, подписавшие настоящую хартию, принимают во внимание, что целью Совета Европы является создание более тесного союза между его членами, в частности, ради защиты и развития идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, учитывая, что защита исторических региональных языков и языков меньшинств Европы, некоторые из которых могут со временем исчезнуть, способствует сохранению и развитию культурных традиций и культурного достояния Европы, принимают во внимание, что право пользоваться региональными языками или языками меньшинств в личной и общественной жизни является неотъемлемым правом в соответствии с принципами, содержащимися в Международном пакте ООН о гражданских и политических правах, и, в соответствии с духом Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод [45, с. 17–18].

Армения подписала и ратифицировала Хартию, а ее вступление в силу датируется 1 мая 2002 года. В Армении в свидетельствах о рождении и других документах, удостоверяющих личность, отчество лица, которому выдается документ, указывается в соответствии с правилами армянского языка, без учета традиций и правил языка нацменьшинств [30].

О неидеальной языковой ситуации в Грузии говорят появляющиеся время от времени публикации в СМИ [23].

В Грузии, также взявшей на себя обязательство по ратификации этой же Европейской хартии, уже идут активные выступления ее противников [23].

В контексте этнического разнообразия приоритетным должно быть создание правовых рамок, которые, во-первых, гарантировали бы равный доступ всех групп к возможностям и льготам, предоставляемым государством, и, во-вторых, готовность предпринять необходимые меры компенсации социальных, экономических и политических лишений, которые эти группы испытывали [32, с. 203]. Поэтому правовые рамки должны быть нацелены как на уравнивание в правах, так и на решение несправедливостей, имевших место в прошлом.

Согласно Конституции Армении, запрещена дискриминация на почве “расового, этнического или социального происхождения, генетических характеристик, языка, религии и убеждений, политических и других взглядов, принадлежности национальному меньшинству” [37].

Подобным образом, в Конституции Республики Азербайджан указано, что государство гарантирует равную защиту гражданам, независимо от “расы, национальности, религии, языка, пола и происхождения” [1] и защищает право получить образование на своем родном языке. И тем не менее, нет всеобъемлющего законодательства, адресованного проблемам меньшинств. Офис Омбудсмана является единственной структурой, где данные группы могут искать помощи в решении проблем, с которыми сталкиваются.

Конституция Грузии также провозглашает равенство независимо от “национальной, этнической или лингвистической принадлежности” [36]. Однако, поскольку закон о “Политических союзах граждан” запрещает учреждение политических партий на региональной или территориальной основе в попытке предотвратить развитие сепаратистских движений, меньшинства слабо представлены в политической системе, особенно на высших постах. Ситуация немного лучше в случае с местными советами и органами муниципального управления [36].

Подобным образом, в Конституции Республики Азербайджан указано, что государство гарантирует равную защиту гражданам, независимо от “расы, национальности, религии, языка, пола и происхождения” [21] и защищает право получить образование на своем родном языке. И тем не менее, нет всеобъемлющего законодательства, адресованного проблемам меньшинств.

Конституция Грузии также провозглашает равенство независимо от “национальной, этнической или лингвистической принадлежности”. Однако, поскольку закон о “Политических союзах граждан” запрещает учреждение политических партий на региональной или территориальной основе в попытке предотвратить развитие сепаратистских движений, меньшинства слабо представлены в политической системе, особенно на высших постах [36].

Таким образом, хотя и существуют основные правовые рамки, которые должны гарантировать правовое и политическое равенство, по-прежнему остается значительное пространство для преобразований, особенно в вопросах гарантии политического участия.

Президентский указ о “Защите прав и свобод меньшинств и о государственной поддержке продвижения языка и культуры национальных меньшинств, численно малых народов и этнических групп, проживающих в Республике Азербайджан”, изданный в 1992 году, был позитивным началом в деле защиты негосударственных языков, поскольку не только наделил “кабинет министров Республики Азербайджан, министерства и организации Республики Азербайджан, глав местных исполнительных органов миссией поддержки государства и правительственной политики в деле охраны и развития культурных, лингвистических и религиозных

особенностей национальных меньшинств, численно малых народов и этнических групп”, но и предусматривал открытие факультета филологии и вещание на языках меньшинств [21].

Статья 38 Конституции Грузии также защищает права граждан использовать “свой родной язык” как в личном, так и публичном общении. Однако та же статья Конституции предоставляет эти права до тех пор, пока они не противоречат “суверенитету, государственной структуре, территориальной целостности или политической независимости Грузии” [36]. Все это несовместимо с применением прав на практике и представляет серьезную проблему для меньшинств.

Одним из способов превратить символические шаги в вопросе защиты прав меньшинств в значимые изменения их повседневной жизни, является их гарантия путем применения международных стандартов в качестве критериев, интегрированных в международные правовые системы. В этих целях подписание Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств могло бы стать шагом в этом направлении. К началу 2016 года Армения стала единственной страной Южного Кавказа, ратифицировавшей Хартию; Азербайджан подписал, но не ратифицировал ее; а Грузия пока ее не подписала [3].

В Армении “преподавание армянского является обязательным в школах, а вступительный экзамен по армянскому языку является требованием для поступления в высшее учебное заведение, кроме институтов, где языком преподавания является русский. В то время как русский используется в качестве языка преподавания в конкретных школах и университетах, другие языки меньшинств менее привилегированы [3].

В Азербайджане, поскольку меньшинства, в основном, хорошо владеют государственным языком и/или русским (на обоих языках ведется преподавание высшего образования), доступ к получению высшего образования не представляет серьезной проблемы. Тем не менее, изучение негосударственных языков в университетах остается редкой возможностью, и поэтому особенно этнические грузины предпочитают уехать в Грузию для изучения родного языка [24].

В различных международных документах изобилуют ссылки на национальные, этнические, религиозные, лингвистические и другие меньшинства без согласования терминологии. На национальном уровне в случае стран Южного Кавказа царит еще большая неопределенность в использовании и значении этих терминов на официальном и общественном уровне.

Напомним, что данная Европейская хартия своей целью видит защиту прав меньшинств на общение на родном языке. В преамбуле документа говорится, что государства-члены Совета Европы, подписавшие настоящую хартию, принимают во внимание, что целью Совета Европы является создание более тесного союза между его членами, в частности, что защита исторических региональных языков и языков меньшинств Европы, некоторые из которых могут со временем исчезнуть, способствует сохранению и развитию культурных традиций и культурного достояния Европы [38, с. 115–122]. Право пользоваться региональными языками или языками меньшинств в личной и общественной жизни является неотъемлемым правом в соответствии с принципами, содержащимися в Международном пакте ООН о гражданских и политических правах, и в соответствии с духом Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод.

Какой общий вывод напрашивается при анализе современной языковой ситуации и определении статуса региональных языков и языков меньшинств в государствах Южного Кавказа?

На наш взгляд, в государствах Южного Кавказа, как и в странах бывшего Советского Союза, взявших на себя обязательства выполнять положения Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств, идет длительный, сложный и болезненный процесс принятия новых для них ценностей и критериев. В ряде случаев подписание и ратификация Хартии исходила в большей степени из конъюнктурных, корпоративных, политических целей правящих элит, а не из гуманитарных, общедемократических и культурных потребностей, населяющих эти страны народов. В конечном итоге, этим странам в условиях глобализации и демократизации рано или поздно придется “подстраиваться” под общемировые (общеевропейские) объективно развивающиеся закономерности развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алиева В. Когда в Азербайджане появятся региональные языки? Ратификация соответствующей хартии принесет только плюсы, считают эксперты / В. Алиева, Н. Алиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bubakiri.narod.ru/news/2011-07-26-1044>.
2. Алихан Амрахов. В Азербайджане появятся региональные языки? / Алихан Амрахов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://yaran-suvar.ucoz.ru/news/v_azerbajdzhane_pojavjatsja_regionalnye_jazyki/2011-07-29-362.
3. Арутюнова М.А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства / М.А. Арутюнова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fmp.msu.ru/attach-ments/article/256/ARUTYUNOVA_1_2012.pdf.
4. Благодаря переписи населения стало известно, сколько людей проживает в Грузии, о состоянии миграции в стране и о других важных показателях [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sputnik-georgia.ru/georgia/20160429/231405303.html>.
5. Бородин М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции). (Вопросы языкознания) / М.А. Бородин. – М., 1982. – № 5. – С. 29–38.
6. Брук С.И. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) / С.И. Брук, В.М. Кабузан // История СССР. – 1980. – № 3. – С. 90.
7. Гасанов Н.Н. О приоритетах в современных национальных отношениях // Социально-политические науки. – 1990. – № 9. – С. 36–42.
8. Грузино-Абхазский конфликт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vgagre.ru/gruzino-abxazskij-konflikt/>.
9. Гусейн-Заде Р.А. Этническая идентичность Азербайджана : история и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ethnoglobus.az/index>.
10. Еженов К. Активизация политических процессов : ответ на вызов времени или политический маневр? / К. Еженов, Б. Жусупов, С. Жусупов // Панорама. – 1999. – № 24. – С. 27–33.
11. Елена Байкова, Татьяна Ивженко. Снижение роли русского языка в государствах региона. Массовая дерусификация стала мощным средством разобщения / Е. Байкова, Т. Ивженко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ng.ru/cis/2004-07-09/6_russian.html.
12. Из истории грузино-абхазского конфликта [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://abhazy.com/historyconfl.html>.
13. Инна Симонова. Збигнев Бжезинский. “КП” : Америка не сумела обратить себе на пользу распад СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kp.ru/daily/25829/2805033/>.
14. Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в 20 веке : эволюция сквозь катаклизмы / Ж.А. Зайончковская // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 4. – С. 14.
15. Калякин О.А. Некоторые аспекты проблемы этносоциальной безопасности на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://minjust-pmr.org/Web.nsf/66-4d2901186e70a5c22574d5002acf18/>.
16. Конфликт в Нагорном Карабахе : история и причины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.-ntv.ru/novosti/1619045/>.
17. Курганская В. Казахстан : языковая проблема в контексте межэтнических отношений / В. Курганская // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 5. – С. 19–30.
18. Масанов Н. Политические аспекты евразийства / Н. Масанов, А. Чеботарев // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 1. – С. 163–167.
19. Мустафина Дж. Н. К вопросу присоединения Российской Федерации к документам Совета Европы : Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств по специальности “Государство и право. Юридические науки” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n>.

20. Национальные меньшинства в Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/30125/>.
21. Независимый Азербайджан и этнические меньшинства (часть I) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ethnoglobus.az/index.php/vse-novosti/item/460>.
22. Региональный язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.perevod71.ru/regionalnyj-jazyk>.
23. Русский язык в Грузии : разные взгляды на проблему [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sputnik-georgia.ru/society/20120222/214747442.html>.
24. Попов О.С. Статус региональных языков и языков меньшинств в Европейском Союзе и на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.profmigr.com/index.php?option=com_content&task=view&id=927&Itemid=72.
25. Серебрянников В. Объекты социальной безопасности // В сб. : Национальная безопасность республики. Материалы Международного симпозиума “Приднестровье-2000” / В. Серебрянников, А. Хлопьев – Тирасполь. –2000. – С. 113–120.
26. Сепаратизм в политической жизни современной Европы. Доклады Института Европы. 86С. № 318. Москва 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://en.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/318.pdf>.
27. Хлобустов О. Права человека и СНГ (вопросы теории) / О. Хлобустов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2007/06/04-285>.
28. Щенникова Н.В. Языковой фактор глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek2-2015/27956>.
29. Ширин Дуйгулу и Мария Карапетян. Права меньшинств как механизм трансформации конфликтов / Ширин Дуйгулу и Мария Карапетян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://caucasusedition.net/ru>.
30. Этнические меньшинства на Южном Кавказе и их права [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://stopxenophobia.com/?p=2072>.
31. Altenhoener C. Promoting Effective Participation of National Minorities in Economic, Social and Cultural Life through Project Activities. International Journal on Minority and Group Rights, Vol.16, No .4, 2009, p.583-592.
32. Altenhoener, C., Palermo F. Civil Society Contributions to the work of the OSCE High Commissioner on National Minorities, International Journal on Minority and Group Rights, Vol.18 (2) 2011, p.201-218.
33. Bakker, E. Linguistic Rights and the Organization for Security and Cooperation in Europe. Leyden, 2001.
34. Bartsch, S. Minority Rights in Europe. European Minorities and Languages. The Hague, 1995. p.241-253.
35. Cornell K. Geopolitics and Strategic Alignments in the Caucasus and Central Asia.// Perceptions, June – Aug. 1999. Vol. 4. № 2. p.100-109.
36. Glover A. National Minorities in Europe, Studia Diplomatica, Vol. 48, No.3, 1995, p. 53-61.
37. Hansson, U. The CSCE and the Protection of the Rights of Migrants, Refugees and Minorities (Brussels). 2002. 229p.
38. Haselhuber, J., Heintze, H.-J. The Global Review of Ethno Politics, Vol. 2, No. 1, September 2002.p.
39. Khazanov A.M. After the USSR : Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States. Madison. 1995. p. 163–170.
40. National Statistical Service of the Republic of Armenia. Population (urban, rural) by Ethnicity, Sex and Mother Tongue. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://armstat.am/fi-le/doc/99486258.pdf>.
41. National Statistics Office of Georgia. Population Census 2016. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=2153&lang=eng.
42. OSCE High Commissioner on National Minorities. The Lund Recommendations on the Effective Participation of National Minorities in Public Life and Explanatory Note. 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.osce.org/hcnm/32240?download=true>.
43. Parliament of Georgia. The Constitution of Georgia. 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.parliament.ge/files/68_1944_951190_CONSTIT_27_12.06.pdf.
44. The Constitution of the Republic of Armenia (with Amendments). 1995. <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=eng>.
45. Packer, J., K. Myntti, The Protection of Ethnic and Linguistic Minorities in Europe. L., Oxford, p.15- 22.
46. The Parliament of Georgia. “Georgia’s Declarations to the Council of Europe Framework Convention for the Protection of National Minorities.” European Centre for Minority Issues. 2005. <http://www.ecmi.de/press/details/georgias>.

47. Ulasiuk, Iryna. “National Minorities and Migration in Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova.” Consortium for Applied Research on International Migration. 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR2013-33.pdf>.

48. Wheatley, Jonathan. “The Status of Minority Languages in Georgia and the Relevance of Models from Other European States.” European Center for Minority Issues. March 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ecmi.de/publications/detail/26-the-status-of-minority-languages-in-georgia-and-the-relevance-of-models-from-other-european-states-170/>.

Отримано 26.12.2016